

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Лев Амбиндер
руководитель
РОССИЙСКОГО
ФОНДА ПОМОЩИ

Почка и прокурор

Спасение Владика Летуева больше не зависит от денег. Теперь все решают врачи и депутаты с прокурорами. Восьмилетнему Владу срочно нужна донорская почка и 1 061 330 руб. на терапию. Его жизнь поддерживают постоянным диализом: растворы через катетеры заливаются в брюшную полость. Мы рассказали историю Влада 13 октября, и финансовой проблемы больше нет. Наши читатели собрали 2 089 764 руб., и на «излишки» будет спасен Дима Буренок. Доктор Владика Алексей Валов не может точно сказать, когда состоится пересадка. Ему хочется верить, что еще в этом году. Вопрос: где взять почку?

Заведующий отделением трансплантации Российской детской клинической больницы (РДКБ) Алексей Валов считает, что «срок пересадки упирается в известную проблему с забором донорских органов». Правда, кроме шумевшей криминальной версии моратория на забор почек у трупов есть еще и бюрократическая. РДКБ по сложившейся практике 90% донорских почек получала из клиник Московской области и еще 10% из Питера, Калуги, Волгограда и московского госпиталя имени Бурденко. Но нынче весной прокуратура «по существу отменила приказ министра здравоохранения Подмосковья об этом сотрудничестве на том основании, что закон позволяет делать забор донорских органов только в государственных клиниках». Между тем подмосковным партнерам РДКБ поменяли статус на муниципальный. Сменилась только вывеска, считают в РДКБ, и врачи обратились в Госдуму и Генпрокуратуру с просьбой восстановить систему забора донорских органов в Подмосковье. Ответов пока нет, очередь на донорскую почку выросла в разы.

С Димой Буренком (20 лет, острая почечная недостаточность, три года на гемодиализе) ситуация попроще. Он питерский, там открылось отделение трансплантации в Институте нефрологии при Государственном институте им. И. П. Павлова, и заведующий этим отделением Аслан Балкаров надеется, что теперь, после покупки необходимых препаратов, трансплантация донорской почки Диме Буренку состоится в ближайшее время.

Последняя новость от германского Фонда Стефана Морша: вчера там подписали соглашение с нашим фондом о создании спецсчета «Русского резерва Морша» («Б» от 13 октября). Резерв позволит экономить как минимум месяц на поиске донора костного мозга для наших детей с лейкемиями. В ближайшие дни мы опубликуем соглашение вместе с реквизитами счета на сайте www.rusfond.ru.

Для Димы Буренка и Владика Летуева начался отсчет времени в ожидании донорской почки

И вот еще новости.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца жителям Казахстана Жене Малахову (8 месяцев, 191 196 руб.) и Бекасиль Шырын (12 лет, 191 770 руб.), томичам Вике Чудиной (1 год, 186 600 руб.), Кристине Копачевой (8 лет, 191 770 руб.), Максиму Морозову (6 лет, 191 196 руб.), Косте Пимокатову (6 месяцев, 186 600 руб.), жителям Якутии Анисе Поповой (1 месяц, 191 196 руб.) и Раджане Борисовой (1 год, 191 196 руб.), алтайцам Максиму Шестакову (15 лет, 191 770 руб.) и Маше Ким (1 год, 186 600 руб.); операции по поводу сколиоза Даше Крыловой (13 лет, 74 тыс. руб., Тверская обл.), Эльвире Шамсутдиновой (16 лет, 185 384 руб., Челябинская обл.), Ольге Суворковой (15 лет, 68 590 руб., Ростовская обл.), Веронике Архиповой (13 лет, 185 384 руб., Новосибирская обл.), Жене Видонкину (12 лет, 68 590 руб., Липецкая обл.); лечение детского церебрального паралича Маше Ефимкиной (3 года, 150 400 руб., Москва); челюстно-лицевые операции Даше Манцу (2 года, 47 тыс. руб., Хабаровский край), Денису Проценко (1 год, 85 тыс. руб., Смоленская обл.).

Отправлено: 3 923 944 руб. на два операционных стола ОПТ/70 А2 с принадлежностями для онкоцентра имени Блохина (Москва); 197 432 руб. на электрокопировальную машину Егоровой (инвалид 1-й группы, Москва); 149 863 руб. на операцию на мочевого пузыря Даше Абрамченко (2 года, Ставропольский край); 89 200 руб. на слуховые аппараты Юле Шутаевой (4 года, Вологодская обл.) и Жене Пушкинской (16 лет, Смоленская обл.); 69 550 руб. на компьютер для Людмилы Пономаревой (39 лет, вдова черныбыльца, двое детей, Смоленская обл.).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (США), Виктория от руководителя, Алексей и Анна, Сергей, Ольга, Лариса, Леонид Петрович, Яков Максимович (все — Санкт-Петербург), Айрат (Казань), Роман (Воронеж), Сергей (Златоуст Челябинской обл.), благотворительный фонд «Двойнтг», фонд «Созидания», ЗАО «ПТГ „Кунцево“», Герман, Борис Николаевич, Эрика и Григорий, два Алексея, Андрей, Александра, два Константина, Ольга, Юрий, Александр Владимирович, Маргарита, Юлия Сергеевна, Любовь от руководителя, Анна, Марина Викторовна, два Дмитрия, Татьяна, Владимир, Петр, Иван, три Александра, Гульнара, Игорь, Валентин Иванович, Валерий Геннадьевич, Татьяна и Наталья, Юлия Соломоновна, Людмила, Евгения, Алла, Юрий, Светлана (все — Москва).

Спасибо!

Он думает, это пройдет

Пашу Муклецова нужно срочно лечить в Германии от опухоли мозга

Мальчику семь лет. У него болезнь Реклингаузена. Если в двух словах — это опухоль в мозгу, и каждая опухоль с каждым днем все больше угнетает какую-нибудь важную способность организма. Смешной и хухляк мальчик спелнет. У него дрожит правая рука и подкашиваются ноги. Он думает, это пройдет.

— Что это у тебя за полоска на голове? — спрашивает меня Паша.

Мы идем по коридору в школе для слабовидящих детей, и Паша помнит, что скоро будет лестница, но не видит лестницы и не знает точно, когда она будет, а потому замедляет шаг и ступает все неувереннее.

Пашина мама говорит: — Не бойся, лестница еще далеко, шагай, я скажу тебе, когда начнутся ступеньки.

А я спрашиваю: — Какая полоска у меня на голове? — Ну, — Паша улыбается, — у тебя на голове есть какая-то блестящая полоска.

На мне — безоправные очки. Мальчик увидел, как блистает дужка очков, но не увидел, что я в очках.

— Ступенька, Паш, — говорит мама Паша. — Раз, два, три... Всего десять ступенек.

Паша спускается и считает. Он уже умеет считать. Он показывал мне свою тетрадку по математике, и это тетрадка в клеточку, как у всех первоклассников, только клеточки в десять раз больше

обычных. И даже в такие большие клеточки Паше трудно уместить цифры.

Еще Паша умеет читать. Он показывал мне свой букварь. Это обычный букварь, но Паша читает его через огромное увеличительное стекло. Он очень любит читать. Он говорит, что мама и папа прочли ему много книжек, и теперь он хочет стать военным.

— Почему военным? — спрашиваю.

— Родину защищать, — отвечает Паша не задумываясь.

Мы идем в кафе. Мы обедали Паше торт. Мальчик отламывает вилкой вилочку куска торта и, решив, что я достоин доверия, раз уж угощаю его такой вкуснотой, говорит мне:

— Ты видел мультик про Винни-Пуха?

— Видел.

— Там такой смешной медвежонок, знаешь?

— Знаю.

— А ты знаешь, что я заболел? У меня стал хуже видеть левый глаз.

— Я знаю, Пашка. Ешь торт. Вкусный?

Пашина мама рассказывала мне, что в полгода у мальчика на коже появились пятна кофейного цвета. В три года мальчик стал хуже видеть. Сейчас левый глаз у мальчика не видит ничего, а правый глаз видит 4% того, что должен видеть глаз здорового челове-

ка. Добрачная опухоль в Пашкином мозгу угнетает зрительные нервы. Еще немного, и мальчик ослепнет совершенно.

— Как ты думаешь, — спрашивает мальчик, — эта болезнь пройдет?

Мы идем в магазин и идем гулять дальше. Мальчик держит меня за руку. У него теплая пухлая рука. Он спрашивает:

— У тебя есть велосипед?

— Есть.

— А ты катаешься на велосипеде?

— Катаюсь.

— А не катаюсь. Знаешь почему? Потому что там тормоз под правую руку. А у меня дрожит правая рука. Я ведь заболел, ты знаешь? У меня плохо видит левый глаз и дрожит правая рука. Как ты думаешь, это пройдет?

— Не знаю, Пашка.

— Ну, если не пройдет, то следующим летом папа переставит мне тормоз из-под правой руки под левую, и я смогу кататься.

Опухоль в Пашкином мозгу угнетает нервы, отвечающие за движение правой руки. Еще немного, и мальчик не сможет пользоваться правой рукой.

Пашина мама рассказывала, что в первый раз, когда услышала от врачей слово «опухоль», не знала, как повторить это слово мужу. И даже когда диагноз уже был поставлен, они несколько месяцев еще разговаривали про близорукость мальчика, никогда слово «опухоль» не произносила. А бабушке рассказали про опухоль, только когда пришлось объяснить, почему мальчик не может

пойти в обычную школу и почему должен ехать лечиться в Германию, и зачем нужна сложная лучевая терапия, стоящая таких совершенно нечеловеческих денег.

Мы идем с Пашкой по улице, и он не замечает собственной хромоты. Еще немного, и он не сможет ходить. И он не понимает этого. И его мама рассказывает, что, написав три слова домашнего задания по русскому языку, Паша так устаёт, что ложится и засыпает. И он думает, будто все дети семи лет спят днем. Еще немного, и он не сможет учиться.

Мы идем по улице, и мальчик спрашивает:

— Ты с нами до конца пойдешь? — он спрашивает так, имея в виду узнать, провозжу ли я их до самого дома.

— Нет, Паш, я провожу вас только до троллейбусной остановки.

У троллейбусной остановки Паша прощается со мной и долго машет мне. Только он машет совершенно не в ту сторону, в которую я ушел.

Он не видит, где я.

Валерий Панюшкин

ПАШУ МУКЛЕЦОВА СПАСУТ 1327 665 РУБ.

У Пашу Муклецова нейрофиброматоз, глиома зрительных трактов и хиазмы. Проще говоря, у Паша доброкачественная, но очень распространенная (врачи говорят, «достаточно распространенная») в головном мозге опухоль. Она лишает мальчика зрения, парализует правые руку и ногу, и если не принять срочных мер, может привести к самым страшным последствиям. Последнее — цитата из письма мамы Павлика Елены Муклецовой.

Врачи НИИ нейрохирургии имени Бурденко и Федерального центра дет-

ской гематологии, онкологии и иммунологии солидарны, когда речь заходит о Пашкином диагнозе. И с маминими страхами они тоже не спорят. Большинство считает, что хирургическим путем от «распространенной» опухоли не избавиться. Они пришли к выводу, что единственный сейчас выход — это срочная и строго локальная лучевая терапия. Правда, заведующая отделением федерального центра профессор Ольга Желудкова не исключает и возможности сначала хирургического вмешательства, затем лучевого облучения, а уж потом, если будет в том нужда, и химиотерапии.

Строго локальное облучение, считает госпожа Желудкова, наиболее удачно выполняется в нейрохирургической клинике университета Мюнхена: «Несколько наших ребятшек уже прошли это, и все результаты положительные».

Вчера мы связались с Германней. Изучив снимки головного мозга Паша, немцы пришли к выводу о необходимости как раз хирургического вмешательства, а уж затем, возможно, и лучевой терапии. Операция обойдется в €48 500 (1637 360 руб.).

Дорогие друзья! Еще никогда мы не обращались к вам с такой серьезной ценой спасения ребенка с опухолью.

Как всегда, наш партнер компания «Ингострах» внесет \$11 500. Но и оставшаяся сумма выйдет пугающе — 1327 665 руб. Вот почему мы обращаемся к вам: дорож каждый рубль. И тот из вас, кто хотел бы помочь небольшой суммой, но сомневается в ее пользе для Паша, должен знать: фонд не останется, пока не соберет всю сумму. Желающим вложиться в евро (не менее €1 тыс.) мы предоставим реквизиты и счет клиники. Любые рублевые взносы можно сделать на сберкнижку Елены Муклецовой.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Катя Шабельникова, 16 лет, сколиоз 4-й степени, реберный горб, срочно требуется операция. 173 060 руб. Внимание! Русь-банк внес 75 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 98 060 руб.

Когда Кате было 7 лет, на обследовании у нее обнаружили сколиоз и формирование реберного горба. С тех пор мы изо всех сил боремся с болезнью. Несколько раз в год массаж и все виды физиотерапии. Мы наблюдались в областной больнице у замечательного ортопеда профессора Вавиловой, выполняли все рекомендации: жесткий корсет, вытяжение позвоночника на спецушке с гириями и многое другое. Но в последние два года болезнь сильно прогрессирует. Сейчас у дочки S-образный трехуровневый сколиоз предельной степени, она учится в спецшколе, где уроки делают лежа, и очень страдает от чувства ущербности. Начались нервные срывы: «Я урод, ненавижу себя! Зачем вы такую родили!» Развитие болезни остановит лишь операция, но ее нам не оплатить. Я воспитатель в детсаду. Муж оперативный дежурный в колонии. Получаем 17 тыс. руб. на четверых (сыну Паше 14 лет). Пожалуйста, помогите нам! Ирина Шабельникова, Челябинская область.

Заведующий отделением НИИТО Михаил Михайловский (Новосибирск): «Грубую грудную деформацию и противоскривление в пояснице Кати можно устранить за одну операцию, надо использовать современный инструментариум».

Даша Трухачева, 3 месяца от роду, ангиома лба и носа с тенденцией к росту, спасет срочная операция. 65 тыс. руб.

Мне 37 лет, я мать-одиночка. Даша мой поздний и единственный ребенок. Кормит нас моя мать. Ни алиментов, ни декретных. Я была фельдшером в бактериологической лаборатории, но во время беременности меня сократили, а защита дает декретные лишь полным семьям до 30 лет. Но это полбеды. На переносице у Даша стремительно растет доброкачественная опухоль, уже на лоб заходит и на глаз, правый глазик стал косить. Ангиома объемная, красная, в сосудах пятнах. Дашенька развивается нормально, голову держит, кушает и спит хорошо. Уже семь килограммов весит! Но я очень боюсь, что дочка вырастет уродом и будет глубоко несчастна. Говню мысли о том, что опухоль может переродиться в злокачественную до операции. В областной больнице ее трижды оперировали без наркоза, теперь малышка заходится в крике при виде белого халата. А опухоль только выросла. Ваш профессор Рогинский готов оперировать Дашу. Горздрав напрямую в оплату лечения не отказал, но о сроках оплаты даже говорить не захотели. А госпитализация назначена на 04.12.06. Очень прошу, помогите. Ольга Трухачева, Липецкая область.

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Надо срочно устранить опухоль хирургически с помощью лазера и не допустить распространения на соседние области. Дашу можно полностью вылечить».

Егор Старостин, 3 года, злокачественная опухоль печени, спаст пята курсов химиотерапии. 192 тыс. руб.

Полтора года назад наш единственный сын Егорка заболел. Мы боремся за его жизнь, а он все это время сам доказывает, что хочет жить. После того как поставили диагноз гепатобластома, стало ясно, что нужна операция. У нас не были, мы нашли клинику в Германии, а деньги нам подарила мама такой же большой девочки. Операция была сложная, даже сердце останавливали, удалили часть печени с опухолью. Егорка выжил. Мы приехали домой, продолжали химиотерапию, анализы были хорошие. Но в мае они вдруг ухудшились. Проверили печень — в порядке. Оказалось, это метастазы в легком. Сейчас мы в больнице в Петербурге, сына уже сделали две операции. Теперь предстоит в течение трех месяцев принимать химиотерапию. Единственная проблема — где найти деньги на нее? Все, что у нас было, уже продано и потрачено, муж зарабатывает немного. Помогите нам, пожалуйста! Вера Старостина, Ставропольский край.

Заведующая отделением онкологии больницы № 31 Маргарита Белокурова (Санкт-Петербург): «Сейчас опухоли печени у Егорки нет, но появились метастазы в легком. Мы удалили сегмент доли правого легкого, теперь требуется химиотерапия. У Егорки хороший шанс выжить».

Аня Рыбникова, 7 лет, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 156 тыс. руб.

Вышлите! Благотворительный фонд «Двойнтг» внес 47 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 109 тыс. руб.

Помогите вылечить нашу Аню! Родилась она нормальным ребенком, была в меру спокойной, хорошо прибавляла в весе. Но в четыре месяца ее не держала голова. Врачи только тогда и определили детский церебральный паралич. Сначала ее лечили у нас в центре «Особый ребенок». После процедур Аня в три года стала ходить. Из центра нас направили в Институт медико-биологических наук.

Специалисты ИМТ лечение проводят у нас в Екатеринбурге. Мы прошли четыре курса, последний был три года назад, а потом деньги кончились. Сейчас Аня ходит, бегает, есть понимает и может общаться жестами. А вот говорить и жевать не может. И правая рука не работает. Врачи ИМТ говорят, надо еще пять курсов, а мы и так продали все что было. Муж водителем на заводе зарабатывает 12 тыс. руб. Марина Рыбникова, Свердловская область.

Врач ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «У Ани остались двигательные нарушения, плохо развиты мышление и память. Надо продолжать лечение. Она сможет учиться во вспомогательной школе, получить специальность, а потом и работать».

Рита Буракова, 10 месяцев от роду, врожденный порок сердца, спасет эндоскопическая операция. 186 600 руб.

Вышлите! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес \$2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 119 400 руб.

Мне 23 года, у меня на руках двое малышей и мать-инвалид. С мужем развелась три года назад, тогда сынишке был год. Я пыталась спасти семью, и мы вновь сошлись. Но я забеременела, меня уволили из таксопарка, я работала таксисточкой, а муж, когда Рита родилась, ушел совсем. На сына даст 500 руб. в месяц, а дочку не признал. В три месяца в сердце Риты услышали шумы и предложили срочно оперировать. Девочка перестала расти и прибавлять в весе, по ночам плачет. У нее синопношность и отдышка даже в покое. Врачи обещают закрыть порок, не разрезая даже грудь, по-новому, но на это нужны огромные деньги, а мы четвером живем на мамину пенсию в 1552 руб. и 420 руб. детского пособия. Декретных, конечно, нет. Предательство, нищета, вечная тревога за ребенка — не знаю, как жить. Марина Буракова, Томская область.

Ведущий специалист НИИ кардиологии Томского НЦ РАМН Сергей Иванов: «У Риты большой дефект межпредсердной перегородки, а в мышечной части межжелудочковой их несколько. Есть надежда, что мелкие дефекты со временем зарастают сами, а большей лучше закрыть эндоскопически, через сосуды. У девочки есть шанс стать здоровой».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в «Б» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги черз нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затаенно понравился: всего собрано свыше \$12,6 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям створевших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгограде, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лунник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru. Телефоны: (495) 943-91-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Преодоление порока

Первые 18 лет своей жизни девочка Алина Вишнякова из Нижнего Новгорода боялась только одного. Что ей сделают открытую операцию на груди и оставят такой шрам, что никакая пластика потом не спасет. У Алины был порок сердца, а исправить его Нижегородские врачи брались только таким способом. Алина не соглашалась и боролась с пороком сама. Ей помогли кардиологи из Томска, сделали операцию, после которой не осталось никакого следа. И наши читатели, которые оплатили эту операцию.

В 18 лет Алина впервые избавилась от боли в сердце и задышала полной грудью. Сначала Алина не знала, как с этим жить

танцами, собиралась стать балериной. Бегала каждое утро. Пороку назло.

Алине дали инвалидность и право бесплатного проезда на транспорте. Она им ни разу в жизни не воспользовалась.

— Из принципа, — говорит Алина.

У нее мягкий голос, но сказано это так, что сомнений у меня не осталось: принципы у Алины железные.

На физкультуре в школе учитель начал распределять детей. Ты — на волейбол, ты — на бег. Ну и так далее. «А тебя, Вишнякова, в освожденную группу», — развел он руками. Не знаю, какие она нашла аргументы для учителя, но в итоге и бегала, и в волейбол играла. И танцы не бросила.

Вот на этом месте ее рассказ я сломался.

— Послушай, — говорю, — но ведь это же правда опасно было.

И закончиться могло всем, кроме хорошего.

— А я об этом не думала, — отвечает мне Алина и обезоруживающе улыбается.

Я только и смог сам улыбнуться в ответ.

Цепь счастливых случайностей началась в прошлом году. Алина с мамой поехали к бабушке в Томск. Сосед-кардиолог, узнав о пороке, рекомендовал Алине сходить в томский кардиоцентр. Там профессор Сергей Иванов сказал, что порок небольшой и его можно устранить эндоскопически, то есть не вскрывая грудную клетку. Что почувствовала в этот момент Алина, словами не передать. Но когда узнала, что операция стоит почти 200 тыс. руб., разрыдалась прямо у профессора в кабинете.

Таких денег у семьи беженцев из Узбекистана, до сих пор снимающих квартиру в Ниж-

нем Новгороде, не было и быть не могло. Тогда профессор и рассказал ей о Российском фонде помощи.

В феврале письмо Алины было опубликовано, а в начале апреля ее уже вели на операционный стол в томском кардиоцентре, и она все стеснялась спросить анестезиолога, что ей будет sentirся под наркозом. «Сад. Много-много фруктовых деревьев», — в конце концов решила она и не стала спрашивать. И говорит, так и получилось.

И вот в 18 лет этот человек впервые избавился от боли и начал дышать полной грудью. Сначала было замешательство: Алина не знала, как с этим жить. Сидела дома. Один раз с подружками сходилась в кино и испугалась при виде толпы, входящей в зрительный зал. «Мама, я одичала!» — плакала и смеялась она, придя домой.

Но уж потом! Мы сидим на диване, едим приготовленный Алиной торт «Черный принц», и она быстро-быстро рассказывает, что заново пошла на первый курс Нижегородского лингвистического университета (из-за операции и полугодовой реабилитации пришлось уйти в академический отпуск). Что вместе с английским языком начала изучать арабский. А курса с третьего добавится еще и французский. Что любимый писатель — Достоевский, а любимая рок-группа — Red Hot Chili Peppers. Хотя на самом деле лучшую в мире музыку исполняют, конечно, группа «Токискола».

Потому что в ней играет старший брат Алины Руслан. Что скоро она исполнит мечту детства и пойдет в бассейн. И танцевать продолжит.

Я какое-то время пытался поддерживать разговор. А потом уже сидел и просто влюблялся.

Андрей Козенко